

УДК 911.375+316.48

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ФАКТОРЫ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ГОРОДСКОГО СИМВОЛИЧЕСКОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РОССИИ

© 2024 г. К. Э. Аксенов*

*Санкт-Петербургский государственный университет, Институт наук о Земле,
Санкт-Петербург, Россия*

**e-mail: axenov@peterlink.ru*

Поступила в редакцию 05.07.2024 г.

После доработки 17.08.2024 г.

Принята к публикации 12.09.2024 г.

Целью работы выступает выявление пространственных факторов конфликтогенности в использовании городского символического геополитического капитала в России, под которым в исследовании понимается совокупность накопленных геополитических значений (смыслов) города, территорий и отдельных мест. Средовые символические ресурсы, а именно — урбанистические знаки или носители символов, обладают уникальными свойствами, которые дают преимущество использующим их акторам символической политики в конкурентной борьбе. Значения, ценности и эмоции, которыми наделяются эти символы и знаки, могут иметь как положительную, так и отрицательную окраску в представлениях разных групп. Один и тот же символ (историческая персона или событие) могут иметь противоположную “по знаку” коннотацию в разных местах. Эти особенности активно используются в символической политике на разных пространственных уровнях. Из собранных по материалам СМИ более чем ста случаев современных конфликтов с использованием геополитических символов и посвященных им памятных знаков в городах России по специальной методике в работе были проанализированы 20, относящиеся к символам досоциалистической эпохи и периода Гражданской войны и иностранной интервенции 1917–1922 гг. В работе представлен анализ значения различных “местных” геополитических символов и знаков для формирования геополитического символического капитала и его использования в современной российской городской и региональной символической политике как в конструктивной, созидательной практике, так и в конфликтных взаимодействиях и даже деструктивных практиках. Сделаны выводы, что локация меняет содержание конфликта по поводу “местных” геополитических символов и знаков в соответствии со следующими факторами: приуроченностью связанных с символом событий к месту; наличием и особенностями расселения связанных с символом конфликтующих идентичностей/социальных групп; характеристиками публичной экспозиции и потенциального охвата аудитории; конкурентностью места; иерархией локаций; пространственной структурой собственности и отношений по поводу власти и влияния.

Ключевые слова: символическая политика, критическая геополитика, городские конфликты, идентичность, политика памяти

DOI: 10.31857/S2587556624050133 **EDN:** AOGXTZ

ВВЕДЕНИЕ

Не прекращающаяся на протяжении последних четырех десятилетий геополитическая реконфигурация мира, резко ускорившаяся в последнее десятилетие, подталкивает к пересмотру геополитической идентичности не только государства, их объединения, но и отдельные регионы внутри государств, политические партии и иные субъекты политики (Гаджиев, 2011;

Гребнев, 2023; Shevchenko, 2019). Некоторые политики и специалисты призывают в этой связи даже к “преодолению кризиса идентичности” (Жаде, 2013, с. 141). Ревизия геополитической самоидентификации и формирование новой идентичности происходит и на уровне социальных групп и индивидов (Жаде, 2011). Именно на нем формируются массовые базы поддержки носителей всех более высоких иерархических

уровней геополитической идентичности, поэтому борьба политических институтов за влияние на этом уровне неизбежно усиливается с нарастанием “геополитической турбулентности”.

Значимую роль во все периоды такого нарастания играл ресурс, предоставляемый городским символическим геополитическим капиталом (Мохов, 2011; Forest and Johnson, 2011)¹. В предыдущих работах автор подробно останавливался на структуре и свойствах городского символического геополитического капитала (ГСГК), определяя его как совокупность накопленных в обществе геополитических значений (смыслов) города, его территорий и отдельных мест (Аксенов, 2024). Там же обосновывается значимость именно городского символического капитала по сравнению с негородским (сельским, периферийным, территориальным и т.п.): первый, как правило, выступает ядром зарождения и дальнейшей пространственной диффузии геополитических инноваций, чему активно содействуют ресурсы ГСГК (Аксенов, 2024; Аксенов, Андреев, 2021).

Н.Г. Федотова (2018) указывает, что накопление символического капитала места — это производство значений территориальных смыслов, когда элементы среды локального места приобретают новое или дополнительное значение, как для местных, так и для внешних аудиторий. Важно, что такое новое или дополнительное значение могут давать не только элементы символического капитала эксклюзивно местного происхождения (такие как локальные исторические факты, объекты местной среды или неизвестные во внешнем мире персонажи, вписанные в геополитический контекст), но и особые местные интерпретации общеизвестных явлений (реальных или вымышленных геополитических событий, достижений различных исторических фигур и т.п.).

Так, широко известно распространение связанного с геополитикой образа Александра Македонского в международной материальной культуре, закрепление его имени в многочисленных локальных топонимах (Денисов, 2019; Постников, 2006). В различных городах мира сугубо локальные объекты и мифы, использующие его имя, становятся специфическими элементами символического

капитала места [см., например, (Алиева, 2022; Ахунов, 2007)]. В связи данным свойством под “местным” геополитическим символом мы будем понимать как интерпретации сугубо местных событий и персон, так и особые местные интерпретации общеизвестных явлений геополитического происхождения.

Конструирование геополитических образов территории является полем борьбы и конкуренции социальных, профессиональных и политических групп (Абашев, 2015; Аксенов, Андреев, 2021; Flint, 2012). Существенный корпус работ посвящен открытым формам такой борьбы — городским конфликтам (Галустов, 2016; Медведев, 2017, 2019; Тыканова, 2013), которые мы здесь будем понимать максимально широко: как столкновение противоположных интересов, целей, взглядов, идеологий индивидов, социальных групп и классов в пространстве города (Дементьева, 2013). Именно современные конфликты с использованием ГСГК окажутся в центре внимания данного исследования, как наиболее общественно значимые проявления использования геополитических символов в городской политике.

Можно ли утверждать, тем не менее, что если присутствует значимый общественный конфликт, то вызвавшие его геополитические символы — однозначно негативны для данного места и сами по себе требуют особого режима регулирования публичного обращения с ними, вплоть до нередко практикуемых запретов использования? Д. Летняков утверждает, что если противостояние по поводу исторических (в том числе геополитических. — К.А.) символов происходит внутри общего символического пространства, а дискуссии ведутся по поводу общенационального прошлого, то мемориальные конфликты и дискуссии часто оказывают на общество не разрушительное, а созидательное воздействие. Можно согласиться с его подходом, согласно которому “...историческую память общества нужно представлять не в виде единого, непротиворечивого нарратива, но как совокупность нарративов, постоянно оспаривающих друг друга. С этой точки зрения мемориальные конфликты, споры вокруг трактовок тех или иных исторических событий, концепции преподавания истории, сноса/установки монументов представляются естественной частью дискуссий, которые идут в публичной сфере любого демократического общества” (Летняков, 2022, с. 46—47). Согласно ему, “переписывание истории” есть нормальный процесс пересмотра

¹ Достаточно вспомнить весьма затратные геополитически мотивированные периоды активизации “монументальной пропаганды”, волны интернационализации-деинтернационализации городской топонимии в России-СССР (Аксенов, 2024; Аксенов, Гресь, 2023).

обществом представлений о самом себе, который может происходить в силу поколенческих сдвигов, идеологических трансформаций, роста культурного разнообразия и т.д. (Летняков, 2022). Далее мы используем данный подход как часть концептуального и методологического аппарата исследования.

Если смыслы априори абстрактны и существуют только в головах людей, причем физически находящихся где угодно, то город представляет собой не только и не столько идеальную, сколько материальную субстанцию, причем локализованную и достаточно устойчиво связанную с определенным местом на поверхности Земли. Как же соотносятся материальная и нематериальная составляющие СГКГ?

К нематериальной составляющей СГКГ относятся сами символы и смыслы: оценки значимости и интерпретации геополитических событий, личностей и т.п. Основной целью символической политики различных общественных субъектов выступает стремление закрепить в качестве доминирующего свой вариант такой оценки и интерпретации (Малинова, 2019; Малинова, Миллер, 2021). Многочисленные исследования показывают, что добиться такого доминирования очень помогают урбанистические знаки или урбанистические носители символов (такие как памятники, музеи, мемориальные объекты, топонимия, городские праздники и публичные ритуалы) (Аксенов, 2024; Аксенов, Андреев, 2021; Мохов, 2011; Forest and Johnson, 2011).

Такие носители следует отделять от идеальных символов и смыслов и воспринимать как ресурс для использования реальными и потенциальными акторами общественно-политических процессов (Россия ..., 2000; Федотова, 2018; Eisenstadt and Schluchter, 1998). Без их использования оказывается крайне затруднительно и гораздо менее эффективно транслировать свою позицию обществу, мобилизовать сторонников и превратить с помощью символической политики символический капитал города в политические дивиденды в виде установления и закрепления доминирования своей интерпретации геополитических событий и явлений (Гельман, 2003; Малинова, 2019; Поцелуев, 1999).

Это связано с тем, что материальные урбанистические знаки имеют ряд уникальных преимуществ перед прочими знаками как ресурс символической политики [подробнее см.

(Аксенов, 2024)]. Поэтому, уточняя определение Малиновой (2019), отметим, что символическая политика — это производство способов интерпретации социальной реальности и борьба за их доминирование, включая производство символических ресурсов, т.е. знаков (особенно урбанистических), пригодных для “нужной” интерпретации. А манифестация и “присвоение” актором определенных интерпретаций через производство им материального носителя символа, его номинации или реноминации становится важным вкладом в достижение такого доминирования (Krzyżanowska, 2016).

Значения, ценности и эмоции, которыми наделяются эти символы и знаки, таким образом, могут иметь как положительную, так и отрицательную окраску в представлениях разных групп; один и тот же символ (историческая персона или событие) могут иметь противоположную “по знаку” коннотацию в разных местах и в разные периоды. Не только отдельные социальные группы, но и различные города и даже регионы разворачивают конкуренцию за право быть символическим центром “распространения” того или иного “положительного” для себя геополитического символа. Борьба идет даже за право становиться центром более низких уровней иерархии для того, чтобы более эффективно “монетизировать” символ: фактическое или мифологическое доказательство более тесной, чем в других локациях, связи данного символа с конкретным городом или местом, дает дополнительные преимущества в такой конкуренции.

Так, по отношению к символической фигуре Чингисхана Монголия и Улан-Батор стали несомненным центром высшего порядка — там находятся и крупнейшие в мире музеи, и мемориалы в его честь, наибольшее количество топонимов, общественных и коммерческих объектов, носящих его имя и, очевидно, получающих от этого дополнительные дивиденды. Однако и в России ряд регионов и городов, связанных с историей геополитической деятельности Чингисхана, вступили в конкуренцию за лидерство более низкого (внутрироссийского) уровня. Ряд коммерческих объектов носит имя Чингисхана в Улан-Удэ, первый в России памятник Чингисхану установлен в Калмыкии, а пиво под брэндом Чингисхан региональные производители с разной транскрипцией его имени выпускают в Улан-Удэ, Чите и Абакане. Подобное явление мы будем называть фактором

приуроченности событий к месту, или связности с ним.

В то же время, развернувшаяся в мире в последние десятилетия “война монументов” по геополитическим проблематикам (декоммунизации, деколонизации, антирасизма и др.), с одной стороны, подчеркивает значимость этого элемента символического городского капитала не только для местной, но и международной политики, а с другой — демонстрирует значимость для политической конкуренции не только позитивных, но и негативных интерпретаций. Последнее утверждение справедливо для городской символической политики на любом уровне пространственной иерархий (Чихичин, 2006).

Все акторы такой борьбы, вне зависимости от “знака” используемой коннотации символов, способны демонстрировать, по определению О. Малиновой (2019), практику “лукавого приспособления” и “двоемыслия” для достижения своих целей. Такая практика, в частности, вполне вписывается в стратегию “политического использования прошлого”, часто некорректно трактуемую как “политика памяти” (Малинова, 2019; Малинова, Миллер, 2021).

Так, мемориальные иконографические фигуры Колумба, Ленина или Жукова для одних исторических условий, локаций и/или политических групп могут выступать положительными, для других — сугубо отрицательными символами. Как мы знаем из практики, знак такой оценки зависит от конкретного сочетания упомянутых переменных: времени (исторического периода), места и политического актора-интерпретатора. Эти особенности активно используются в символической политике по геополитической проблематике на разном пространственном уровне, вызывая конфликтные взаимодействия².

В настоящей работе представлен анализ значения различных геополитических символов для формирования геополитического символического капитала и его использования в современной российской городской и региональной символической политике как в конструктивной, созидательной практике, так и в большей степени, конфликтных взаимодействиях и даже деструктивных практиках. Целью работы выступает выявление пространственных осо-

бенностей практики и результатов использования различных местных элементов городского геополитического символического капитала в РФ. Главным объектом нашего исследования выступают урбанистические знаки или носители символов.

ДАННЫЕ И МЕТОДИКА

Из выделяемых специалистами четырех типов урбанистических знаков (носителей символов) — материальные (все, что выражено в материальных структурах), дискурсивные (проявляемые в публичных дискурсах), иконографические (символические для города персоны³) и поведенческие (разного рода общественно значимые события) (Nas et al., 2006) — нас будет интересовать прежде всего то, что закреплено в материальных урбанистических знаках (МУЗ). Особые свойства, которыми обладают МУЗ по сравнению с прочими типами символов (длительность существования, закреплённость в ткани города; закрепление представления о легитимности символа; закрепление “нормального”, “комфортного” и позитивного восприятия; упомянутые ранее особые средства политического маневра) подробно описаны в (Аксенов, 2024). Благодаря этим свойствам именно МУЗ составляют основу символического капитала города.

Среди всего многообразия типов МУЗ (Абашев, 2015; Аксенов, 2024; Britvin et al., 2020) для настоящего анализа были выбраны экспонируемые вне помещений памятники: монументы, бюсты, отдельно стоящие или связанные с другими объектами памятные знаки и мемориальные доски. Прочие типы МУЗ (топонимия и ономастика, специальные объекты и сооружения, монументальное художественное творчество и др.) по причине ограниченности формата статьи вынесены за рамки ее объекта и заслуживают отдельного рассмотрения [см., например (Аксенов, 2020; Аксенов, Яралян, 2012)].

Для данной работы в определении “геополитического” целесообразно использовать подход школы критической геополитики, подчеркивающий значимость ментального. К. Флинт понимает геополитику как состоящую из: 1) практик и проявлений территориальных стратегий в отношении государственности, 2) идеологических конструкций и прочих концепций видения мира, 3) представлений о территории и контроле над ней любым субъ-

² Примеры таких конфликтов с использованием материальных урбанистических знаков, сгруппированные по различным геополитическим направлениям, см. (Аксенов, 2024; Аксенов, Андреев, 2021).

³ В работе термин “иконаграфический” и производные от него употребляются строго в данной коннотации.

ектом общественных отношений, 4) практики определения отношений по поводу власти в пространстве с помощью семантики и риторики (Flint, 2012). Данные составляющие мы будем искать в современных практиках символической политики по отношению к интерпретациям геополитических событий и персон лишь двух периодов Российской истории: досоциалистического (до 1917 г.) и Гражданской войны и иностранной интервенции 1917–1922 гг.⁴

Для настоящей работы в ходе коллективных исследовательских проектов под руководством автора с участием студентов магистерской программы Геоурбанистика СПбГУ и Высшей школы урбанистики НИУ ВШЭ, Москва, в 2023 г. отбирались данные о всех случаях конфликтных взаимодействий в постсоветский период на основе публикаций в российских электронных СМИ (блогосфера использовалась только как справочный материал) по поводу установки новых памятников в постсоветский период⁵. Из более чем сотни зафиксированных и описанных по единой методике кейсов для настоящей работы были отобраны 20 наиболее репрезентативных и отвечающих упомянутым критериям.

Методика описания содержала общую характеристику кейса, анализ состава и целей акторов конфликта/символической политики, подробное описание хода конфликта/обсуждения, фиксацию результатов. Каждый из собранных фактов подкреплялся соответствующей ссылкой на публикацию в СМИ, качественные оценки целей и позиции акторов по возможности подкреплялись цитатами из их публичных заявлений.

В качестве примера прикладной методики, использованной для анализа каждого из обобщенных далее 20 кейсов, приведем материалы, собранные для случая памятника Ермаку в Тюмени. Опуская общее описание (оно, по сути, дублируется в табл. 1 и 2), приведем данные, сгруппированные по применявшейся стандартной методике.

Позиция актора 1: Региональные и местные власти

Из письма исх. № 94 от 30.01.2003 года на № 107-ж от 24.01.2003 года начальником уп-

⁴ Подробно методика определения геополитических маркеров описана в (Аксенов, 2024; Аксенов, Гресь, 2023).

⁵ Единственным исключением выступает памятник Ермолову в Грозном, который включен в анализ как антитеза результатам аналогичных случаев в других регионах РФ.

равления архитектуры и градостроительной политики С.Н. Лескова «О памятнике “Ермак – покоритель Сибири”» к архиепископу Тобольскому и Тюменскому Димитрию: «Управление архитектуры и градостроительной политики администрации области поддерживает идею установки памятника “Ермак-покоритель Сибири” в городе Тюмени, с размещением его в сквере “Ермака” (район областного краеведческого музея), данная информация направлена в администрацию области, где в ближайшее время будет принято решение по данному вопросу»⁶.

Заместитель губернатора Наталья Шевчик: «Памятник Ермаку будет отражать не столько 400-летнюю историю сотрудничества народов, сколько момент завоевания и противостояния разных культур. Наиболее оптимальным решением может быть проведение администрацией города, в компетенции которой находится данный вопрос, конкурса на проект скульптурной группы основателям города»⁷.

Позиция актора 2: Фонд имени Ермака Тимофеевича, казаки

Надпись на памятном знаке, заложенном к 410-летию Сибирского Казачьего Войска 6 декабря 1992 г., казаками общественной организации “Тюменский союз казаков”: “Ермаку с товарищами. Потомки-казаки. 06.12.1992 год”, после реконструкции памятника: “Ермаку и его товарищам вечная память. Потомки казаки. 6 декабря 1992 года”.

Тюменский казачий Союз Союза Казаков России заложил традицию посвящения “в казаки” у этого Поклонного креста как “символа возрождения былой славы Российского государства, зарождающих и возрождающих традиций Российского казачества, возрождения православных традиций, восстановления исторической правды”⁸.

Позиция актора 3: Сибирские татары

Обращение от татарской общественности города и Тюменского района:

⁶ https://ruskline.ru/analitika/2013/07/10/istoriya_poruganiya_poklonnogo_kresta_ermaku_vasiliyu_timofeevichu_s_tovariw_i_v_tyumeni/ (дата обращения 10.03.2023).

⁷ <https://www.pravda.ru/culture/36646-ermak/> (дата обращения 11.03.2023).

⁸ https://ruskline.ru/analitika/2013/07/10/istoriya_poruganiya_poklonnogo_kresta_ermaku_vasiliyu_timofeevichu_s_tovariw_i_v_tyumeni/ (дата обращения 11.03.2023).

Таблица 1. Памятник Ермаку в Тюмени: состав и цели акторов конфликта

Актор	Актор 1: региональные и местные власти	Актор 2: казацкие организации, РПЦ	Актор 3: сибирские татары
С символом чего связан знак для актора?	Первопроходец, историческая личность, национальный символ России	Культовая личность, русский православный первопроходец, “объединитель сибирских народов”	Завоеватель, разбойник, грабитель, унижение татар, символ раздора
Цель актора в отношении знака	Увековечивание общероссийского символа в виде памятного знака (если не памятника). Закрепление символа как тюменского гения места. Недопущение социальных напряжений	Репрезентация периода покорения Сибири и закрепление в общественной памяти нужных “маркеров” и ориентиров, закрепление национального символа в памятнике	Недопущение установки памятника как символа раздора
Достигнута ли цель актора в ходе конфликта?	Нет	Частично (памятник — нет, крест — да)	Да

Составлено автором. В сборе и первичной обработке данных для данного кейса принимал участие С.Д. Дорофеев.

“Мы считаем, что памятник станет клином, вбитым между русскими и татарами в Тюменской области. Он будет напоминать каждому татарину, что он унижен, завоеван, а конституционный принцип равноправия народов — не более чем блеф...”⁹.

Приведенный в табл. 2 пример показывает, в частности, что один и тот же символ и связанный с ним знак могли генерировать несколько фаз и даже отдельных конфликтов. Стороны конфликтных взаимодействий могли состоять из нескольких групп интересов, в процессе конфликтного взаимодействия их позиции могли меняться. Все это было характерно и для прочих исследованных примеров.

Все отобранные для дальнейшего анализа геополитические события и персоны регионально приурочены, то есть они так или иначе связаны с городом/территорией, на которой осуществлялась или планировалась их коммеморация в виде установки памятного знака в их честь. А тот факт, что в отобранных случаях присутствовал освещавшийся в СМИ значимый общественный конфликт по поводу конкретного материального урбанистического символического объекта, позволяет утверждать, что данное место, связанное с рассматриваемым геополитическим символом и соответствующим

ему МУЗ, люди наделяют значением, ценностью и эмоцией.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В табл. 3 представлены отобранные в соответствии с описанной методикой значимые примеры конфликтной символической политики по поводу посвященных геополитическим символам памятных знаков в городах Российской Федерации. Памятников и памятных знаков этим (как и другим) личностям и геополитическим событиям в постсоветское время установлено в России гораздо больше¹⁰. В таблице перечислены примеры только тех из них, по поводу которых в СМИ зафиксированы конфликтные взаимодействия.

Из материалов табл. 3 видно, что основной раскол в конфликтах по поводу упомянутых геополитических символов досоветского периода пролегает в области расхождения между доминирующими в РФ государство-центричными¹¹ и региональными ино-этноцент-

⁹ <https://www.pravda.ru/culture/36646-ermak/> (дата обращения 11.03.2023).

¹⁰ Так, по данным справочника, выпущенного ТюмГУ, именем Ермака в России номинированы десятки топонимов и урбонимов и около двух десятков памятных знаков (Агарков и др., 2016); А. Колчаку установлены не упомянутые в таблице памятные знаки и мемориалы еще как минимум в Москве, Иркутске и на ведомственной территории в Санкт-Петербурге; Еромолову — в Орле, Пятигорске и Краснодаре (где был зафиксирован одиночный пикет) и т.д.

¹¹ Их носителями чаще всего выступали русские патриотические организации, РПЦ, казачество, ветеранские организации, Военно-историческое общество.

Таблица 2. Памятник Ермаку в Тюмени: ход конфликта

Фаза	Дата	Действия актора 1: региональные и местные власти	Действия актора 2: казачьи организации, РПЦ	Действия актора 3: сибирские татары, национальные объединения
Предконфликтная: установка креста	6 декабря 1992 г.	Разрешение на уста- новку памятного Пок- лонного Креста	Установка в центральной локации на Исторической площади памятного Поклонного Креста и обелиска с надписью: “Ермаку с товарищами. Потомки-казаки”	
Конфликт 1: камень разбит, крест поврежден	1993— 1994 гг.		Восстановлен казаками, благословлен Патриархом	
Конфликт 2: попытка замены креста на памятник	Осень 2002 г.	Профильная комис- сия одобрила и пред- ложила поставить но- вый памятник на Исто- рической площади	Предложение поставить в Тюмени полноценный памятник Ермаку	Выразили протест против установки памятника
	2003 г.	Отказ в установке па- мятника на Истори- ческой площади		
	2001— 2010 гг.	Три попытки извлечь или перенести Крест под предлогом реставрации, облагораживания скве- ра	Казаки и жители города воспрепятствовали планам администрации	
	2019 г.		Сбор средств на реконструк- цию Поклонного Креста, ее реализация	
Конфликт 3: попытка переноса локации памятника	2015 г.	Профильная комис- сия — за, гордума — про- тив	Инициатива установки памятника Ермаку в периферийной локации	Выразили протест против установки памятника
	Декабрь 2022 г.	На бюджетные деньги в периферийной лока- ции установлен па- мятник “Легендарным казакам-первопроход- цам Сибири” без имени Ермака		

Составлено автором по материалам сайтов: <https://tumentoday.ru/2019/09/08/v-tyumeni-vosstanovlen-pamyatnik-atamanu-ermaku/> (дата обращения 12.03.2023); <https://park72.ru/culture/99776/?ysclid=lgououlu676444492885> (дата обращения 12.03.2023); <https://www.tumen.kp.ru/online/news/5069848/> (дата обращения 12.03.2023). В сборе и первичной обработке данных для данного кейса принимал участие С.Д. Дорофеев.

Таблица 3. Геополитические символы и примеры конфликтной политики с использованием посвященных им памятных знаков в городах Российской Федерации

Символ, зафиксированный период*	За памятный знак (инициаторы, поддерживавшие)	Против памятного знака (протестующие)	За примирение/компромисс	Результат
Досоветский период				
Ермак, Тюмень, 1992–2019 гг.	РПЦ, региональные и местные власти, казачьи организации	Региональные татарские организации	Региональные и местные власти	Планировавшийся в центральной городской локации памятник поставлен не был, но стоит крест с памятным камнем и именем Ермака ^{**} ; на бюджетные деньги в периферийной локации установлен памятник “Легендарным казакам-первопроходцам Сибири” без имени Ермака, вопреки изначальным планам
Ермак, Тобольск, 2020–2021 гг.	Фонд “Возрождение Тобольска”, казачьи организации	Региональные татарские и исламские организации	Местные власти	После протестов местные власти воспрепятствовали установке памятного креста на муниципальной земле. Крест установлен на частные средства на частной земле
Ермак, Омск, 2016 г.	Военно-историческое общество, местные общественные организации	Региональные татарские организации	Местные власти	Бюст установлен в парке. Несмотря на обещание местных властей на встрече с протестующими перенести его на территорию музея, памятник оставлен на месте установки
Иван Грозный, Астрахань, 1990-е – лето 2023 гг.	Русские патриотические организации, РПЦ	Татарские, ногайские, исламские организации	Региональные и местные власти	Вместо памятника в центре установлен бюст на частные пожертвования и на частной территории (2023 г.), а также барельеф на Триумфальной арке (2017 г.)
Иван Грозный, Чебоксары, 2018–2020 гг.	Местные и федеральные власти, РПЦ	Чувашские национальные организации, Ученый Совет ЧувГУ		Памятник установлен с использованием бюджетных, в том числе федеральных средств ^{**}
Фон Засс, Армавир, 2003–2023 гг.	Местные и региональные власти, местные армянские организации	Адыгские национальные организации		Несмотря на требования демонстра, установленный в 2003 г. памятник стоит
Ермолов, Минеральные воды, 2008–2023 гг.	Казачьи организации, местные власти	Власти Чеченской Республики		Власти Чеченской Республики требуют демонтажа памятника Ермолову в Минеральных водах. Местные власти отказывают и предлагают поставить памятник Шамилю ^{**}
Ермолов, Грозный, 1949–1989 гг.	Власти СССР	Местное чеченское население, региональные власти		Восстановленный по приказу Берии в 1949 г. памятник демонтирован региональными властями в 1989 г. ^{**}

Таблица 3. Продолжение

Символ, зафиксированный период*	За памятный знак (инициаторы, поддержавшие)	Против памятного знака (протестующие)	За примирение/компромисс	Результат
Лазарев, Сочи, 2003 г. (1990–2023 гг.)	Местные власти	Адыгские национальные организации		После восстановления в 2003 г. снесенного в 1990 г. памятника и требований демонтажа или переноса — отказ властей, памятник стоит на месте установки
Суворов, Майкоп, 2014 г.	Региональные ветеранские, патриотические организации, Военно-историческое общество, МО РФ	Адыгские национальные организации		Требования демонтажа (переноса в другой регион) бюста с территории воинской части. Бюст стоит на месте установки
Форт Святого Духа, Сочи, 2020 г.	Местные власти, РПЦ, Военно-историческое общество	Адыгские национальные организации		Памятник установлен на месте первого русского форта на побережье Кавказа. Требования демонтажа. Памятник демонтирован через 8 дней после установки
Гражданская война и иностранная интервенция, 1917–1922 гг.				
Врангель, Ростов-на-Дону, август–декабрь 2023 г.	Русские патриотические организации, казаки, сторонники ЛДПР	Коммунистические организации	Региональные и местные власти	Бюст перенесен с открытой экспозиции внутрь помещения военного училища
Колчак, Омск, 2006–2023 гг.	Региональные власти, местные предприниматели	Коммунистические организации	Региональное общество краеведов	Установлен постамент “официального” памятника с использованием бюджетных средств в менее центральной локации, чем планировалось, проект заморожен; установлен “малый” памятник на частные средства на стене ресторана “Колчак”**
Колчак, Иркутск, 2004–2023 гг.	Местные патриотические организации, региональные и местные власти	Местные активисты, коммунистические организации	Автор художественной идеи	Установлен памятник на частные пожертвования, и в менее центральной локации, чем планировалось, в изображение внесена идея примирения
Колчак, Стерлитамак, 2020–2021 гг.	Местный предприниматель, русские патриотические организации	Местные власти		Установленный на частные средства около частного предприятия, памятник снесен по решению властей
Колчак, Санкт-Петербург, 2016–2017 гг.	Историко-культурный центр “Белое дело”, местные власти	Федеральные судебные власти, левые организации		Установленная на частные средства и согласованная местными властями мемориальная доска демонтирована по решению суда**
Колчак, Владивосток, 2016 г.	Региональные общественные организации, местные предприниматели, федеральные власти	Коммунистические организации		На частные средства установлена мемориальная доска на здании Морского вокзала. Прокуратура в демонтаже протестующим отказала**

Таблица 3. Окончание

Символ, зафиксированный период*	За памятный знак (инициаторы, поддержавшие)	Против памятного знака (протестующие)	За примирение/компромисс	Результат
Белочехи, Самара, 2008–2018 гг.	Федеральные власти в рамках соглашения между Чехией и Россией, финансирование МО Чехии	Коммунистические организации, местные активисты	Местные власти	Принято решение об установке памятника (2008 г.), под давлением общественности — неоднократный перенос и начало строительства на средства МО Чехии в другом месте, под давлением — приостановка (2018 г.)**
Каппель, Ульяновск, 2018–2019 гг.	Казачьи, русские патриотические организации, РПЦ, местные власти	Коммунистические организации, советы ветеранов		Установленная при входе в военное училище табличка демонтирована и перенесена в помещение казачьего спортивно-культурного центра
Корнилов, Краснодар, 2011–2014 гг.	Казачьи организации, местные власти, РПЦ	Коммунистические организации		Памятник установлен

Примечания. Цветом выделены ячейки, соответствующие зафиксированному итогу: победе сторонников или противников установки/сохранения памятного знака или компромиссного решения. Это не обязательно означает, что победу одержал конкретный актор, упомянутый в ячейке. * Период с момента фиксации начала конфликта по сообщениям в СМИ либо до его завершения, либо на момент проведения исследования. ** В ходе конфликта были зафиксированы акты вандализма и/или уличные акции протеста.

Составлено автором. В сборе и первичной обработке данных участвовали студенты магистерской программы “Геоурбанистика” СПбГУ (Санкт-Петербург) и Высшей школы урбанистики НИУ ВШЭ (Москва) под руководством автора.

ричными¹² интерпретациями исторических геополитических событий и их последствий. Для конфликтов по поводу МУЗ периода Гражданской войны такой раскол пролегает скорее в области идеологического противостояния между сторонниками имперско-православной¹³ и советской имперской традиций, в которые через столетие реинкарнировалось противостояние “белых” и “красных” (Гончаренко, Авакова, 2022; Тарасов, 2018).

И для тех, и для других противостояние по поводу городских символов и знаков наблюдается тем сильнее, чем:

- более значимы (по численности, влиянию и т.д.) социальные группы, связанные со сторонами конфликта, в регионе;
- более сильны для ее идентичности представления о связи этой социальной группы с обсуждаемым геополитическим символом (ее интерпретации данного гения места);

¹² Чаще всего представленными региональными этническими и не-православными религиозными организациями.

¹³ Представлена русскими патриотическими и монархическими организациями, РПЦ, местными властями, представителями ЛДПР.

- более значим сам символ в истории;
- более значима конкретная локация (регион, город, конкретное место) для связи с обсуждаемым символом;
- более вовлечены в противостояние различные уровни власти на стороне одного из противников.

Сила противостояния отражается в степени внимания к нему СМИ (как в количественных, так и в качественных медиа-показателях), продолжительности, массовости и общественной значимости акторов и формах протекания конфликта.

Конфликты по поводу геополитических символов в связи с перечисленными факторами в разных местах заканчивались победой принципиально разных позиций и в пользу разных типов акторов. Победы разных акторов наблюдались даже по отношению к одному и тому же носителю символа в разных местах (Ермак, Иван Грозный, Ермолов, Колчак). В целом, позиция “за” памятный знак побеждала в нашей выборке 8 раз, позиция “против” — 5 и компромиссная позиция — 7 раз. Нетрудно заметить, что кон-

фликтные взаимодействия по поводу символов периода Гражданской Войны и Иностранной интервенции фиксировались только по отношению к стороне “белого” движения. Это не означает, что конфликтов по поводу символов “красных” не было — просто среди интересующих нас постсоветских памятников таковые практически не встречались, и конфликты происходили скорее не по поводу установки новых, а “пересмотру” старых советских памятников в рамках общего тренда “декоммунизации”.

Для кого-то неожиданностью может показаться тот факт, что в составе победителей властные акторы присутствовали всего лишь чуть более чем в половине (12) случаев. Часто побеждали разнородные общественные организации, что может свидетельствовать о различных типах городских политических режимов, складывающихся в разных российских городах в соответствующие периоды (Аксёнов, Галустов, 2023; Ледяев, 2008; Stone, 2005).

Представленные данные также свидетельствуют, что нельзя рассматривать “власти” как единую сторону в представленных конфликтах. В разных регионах и городах власти могли занимать различные позиции по отношению к одной и той же иконографической фигуре, давая ей отличные символические интерпретации (например, Колчак в разных городах). Разное отношение наблюдалось и по отношению к допустимости и мере конфликтности вокруг памятных знаков. Так, лишь в 30% из представленных в табл. 3 случаев власти в явном виде стремились к снижению конфликтности. При этом важно, что власть в разных местах и случаях де-факто, вне зависимости от риторики, могла выступать либо в качестве арбитра (Врангель, Ростов), либо одной из сторон конфликта (Колчак, Стерлитамак). Различия в позиции властей по одному и тому же конкретному конфликту наблюдались также и по следующим измерениям:

- расколы/рассогласованность местных/региональных элит. Так, при смене глав менялись позиции администраций (Иван Грозный, Астрахань); руководители разных уровней и/или подразделений высказывали разные позиции по отношению к конфликтной тематике (Ермак, Тюмень) и т.п.;

- смена или корректировка позиции в ходе конфликта. Так, в значительном количестве случаев принималось решение о переносе изначально планировавшейся локации памятного знака с целью снижения его конфликтности;

- по уровням и ветвям власти: разные позиции местных и региональных властей (Ермак, Тюмень); решения местных и региональных властей отменялись федеральными инстанциями (Колчак, Санкт-Петербург) и наоборот (Ермолов, Грозный);

- по субъектам Федерации: различные интерпретации властями разных субъектов Федерации деятельности иконографической фигуры (Ермолов, Минводы).

Такие различия могут еще раз свидетельствовать как о значимости использования СГКГ в политическом процессе, так и о важности в нем такого типа символов.

В большинстве случаев протестующие в качестве альтернативы демонтажу или запрету установки МУЗ требовали его переноса в другую локацию либо внутри города, либо в другой город/регион. Такое требование мотивировалось либо стремлением приурочить знак к другому объекту, который бы изменил конфликтную коннотацию МУЗ (во двор музея, в тематический парк и т.п.), либо на частную или закрытую территорию с меньшим доступом, либо в место с иным социальным составом населения (в другой регион). В 8 случаях из 20 такая смена локации была осуществлена: либо на менее центральную (менее знаковую), либо с меньшей публичной экспозицией, либо на приуроченную к иному объекту (мемориальному, тематическому и т.п.). И в большинстве случаев это действительно снижало градус конфликтности.

ВЫВОДЫ

На примере приведенного анализа символической политики с использованием ГСГК можно заключить, что локация действительно меняет содержание конфликта по поводу геополитического символа/знака в соответствии со следующими факторами.

- Приуроченностью к событиям, связанным с ним: конфликтность тем выше, чем более мемориальной, то есть реально или мифологически связанной с соответствующими событиями, выступает локация. Конфликтные проявления нарастают с приближением к региональному историческому “следу” символа — так, из десятков объектов, посвященных Ермаку, конфликтность этой символической персоны была существенно выше не просто в регионах, где проживали татары, а в мемориальных местах, непосредственно связанных с его деятельностью. Такая закономерность прослеживалась как на

макроуровне — региональном, так и локальном — внутригородском (во многих случаях конфликтность снижалась с переносом знака в не-мемориальную локацию).

- Наличием связанных с символом конфликтующих идентичностей/социальных групп и особенностями их расселения. Как мы показали, для одних типов геополитических символов преобладали конфликты между сторонниками доминирующих в РФ государство-центричных и региональных ино-этно-центричных интерпретаций исторических геополитических событий и их последствий. Для других такой раскол пролегал между наследниками идеологических противостояний прошлых геополитических событий. Очевидно, что места концентрации таких групп усиливали конфликтность и влияли на ее исход.

- Характеристиками публичной экспозиции и потенциального охвата аудитории — количества и качества потенциальных визуальных контактов со знаком. Показана значимость и результативность борьбы за перенос знака в места с меньшей аудиторией или ухудшение его видимости (например, замена монумента Ивану Грозному на барельеф на Триумфальной арке в Астрахани; перенос знаков в закрытые локации).

- Конкурентностью места. На конфликтность влияло окружение — насыщенность окружения прочими конкурирующими символами. Например, размещение в садово-парковых зонах и прочих городских мемориальных ансамблях (аллеях славы и др.) среди прочих подобных знаков, в пантеонах на кладбищах, региональных музеях и комплексах и т.п. потенциально снижало конфликтность. Другим вариантом могло выступать решение о размещении в непосредственной близости друг от друга (или в другой локации) знаков в честь конкурировавших сторон геополитического противостояния. Чаще всего это объяснялось мотивами содействия примирению сторон (Ермолов, Минеральные воды). Однако, как показала практика, близость размещения отдельно стоящих конфликтующих знаков вызывала обратный эффект (как, например, в случае с проектами переноса знака белочехам в Самаре в непосредственную близость с памятниками “красным” героям). Чего нельзя сказать об интеграции конфликтующих символов в один знак (Колчак, Иркутск) — как правило (если не было действия дополнительных факторов), это снижало или не вызывало конфликтность.

- Иерархией локаций: центральность локации знака усиливала конфликтность, периферийность — снижала. При этом центральность могла измеряться центр-периферийной структурой городской территории, иерархией знака по отношению к мемориальности (главный или второстепенный мемориал) и т.д.

- Пространственной структурой собственности. Нередко (если данный фактор не перевешивали прочие) конфликтность снижалась при переносе/установке знака на частной или ведомственной, а не муниципальной территории и/или объекте.

- Пространственной структурой отношений по поводу власти и влияния. Условно, можно этот фактор описать в терминах характеристик городских и локальных политических режимов, характеризующихся различиями в мере формального и неформального влияния различных типов городских акторов (во власти, бизнесе и обществе) на принятие городских решений (Аксёнов, Галустов, 2023; Ледяев, 2008; Stone, 2005). В разных городах и локациях решение принималось в пользу “сильного” актора.

В целом, можно заключить, что ГСГК обладает повышенным потенциалом конфликтности в современной России. Пространственные факторы часто играют ключевую роль не только в повышении или снижении силы конфликтных взаимодействий по поводу того или иного геополитического символа, но и влияют на их содержание: на исход конфликта, состав акторов, их мотивации и аргументацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абашев В.В. Пермская монументальная риторика местной идентичности: памятники, эмблемы и арт-объекты в пространстве города // Лабиринт. Журн. соц.-гум. исследований. 2015. № 1. С. 66–79.
- Агарков И.В., Алейников А.А., Алиева Т.А. и др. Ермак — гордость России: краткий историч. справ. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2016. 342 с.
- Алиева У.И. По следам легенд о крепости и гробницы Нушабы // Colloquium-journal. 2022. Т. 126. № 3. С. 59–62.
- Аксёнов К.Э. Символический геополитический капитал и городское пространство // Полис. Политические исследования. 2024. Т. 33. № 1. С. 67–88.
- Аксёнов К.Э. Географические модели десоветизации топонимии в городах Российской Федерации // Изв. РГО. 2020. № 3 (152). С. 1–16.
- Аксёнов К.Э., Андреев М.В. Городская символическая политика и пространственная диффузия геополитики

- литических инноваций в Российской Федерации // Изв. РАН. Сер. геогр. 2021. Т. 85. № 6. С. 870–887.
- Аксенов К.Э., Гресь Р.А. Геополитический символический капитал и монументальное пространство городов Северо-Запада РФ // Географическая среда и живые системы. 2023. № 2. С. 113–137.
- Аксенов К.Э., Яралян С.А. Идеологизация пространства с использованием городской топонимики в странах СНГ // Региональные исследования. 2012. № 1. С. 3–11.
- Аксёнов К.Э., Галустов К.А. Городские режимы и общественно значимые проекты трансформации городской среды в Российской Федерации // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Науки о Земле. 2023. Т. 68. № 1. С. 4–28.
- Ахунов А.М. Татарские легенды о Зу-л-Карнайне // Уч. зап. Казан. ун-та. Серия Гуманитарные науки. 2007. № 4. С. 122–128.
- Гаджиев К.С. К вопросу о геополитической идентичности России в современном мире // Власть. 2011. № 6. С. 4–10.
- Галустов К.А. Пространственно-временные модели влияния экологического и экокультурного протеста на использование городского пространства на примере Ленинграда–Санкт-Петербурга // Вестн. СПбГУ. Серия 7. Геология. География. 2016. № 3. С. 163–176.
- Гельман В.Я. Политические элиты и стратегии региональной идентичности // Журн. социологии и социальной антропологии. 2003. № 2. С. 91–105.
- Гончаренко Л.Н., Авакова Э.Б. Гражданская война и российское общество: рецидивы противостояния и этапы национального примирения (к 100-летию окончания Гражданской войны в России) // Управленческое консультирование. 2022. Т. 158. № 2. С. 139–152.
- Гребнев Р.Д. Геополитическая субъектность и геополитическая идентичность // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6. № 1. С. 10–19.
- Дементьева И.Н. Теоретико-методологические подходы к изучению социального протеста в зарубежной и отечественной науке // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 4. С. 3–12.
- Денисов А.О. Отображение памяти об Александре Македонском на средневековых картах // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2019. № 1. С. 247–266.
- Жаде З.А. Геополитический фактор в идентификационных процессах в России // Теория и практика общественного развития. 2011. № 3. С. 207–210.
- Жаде З.А. Геополитика и идентичность: пересечение предметных полей исследований // Власть. 2013. № 12. С. 137–142.
- Ледяев В.Г. Городские политические режимы: теория и опыт эмпирического исследования // Политическая наука. 2008. № 3. С. 32–60.
- Летняков Д.Э. Режимы исторической памяти: от гегемонизма к агонизму // Политика и общество. 2022. № 1. С. 45–53.
- Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2019. № 9. С. 285–312.
- Малинова О.Ю., Миллер А.И. Введение. Символическая политика и политика памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе / под ред. В.В. Лапина и А.И. Миллера. СПб.: Изд. Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. С. 7–15.
- Медведев И.Р. Разрешение городских конфликтов. М.: Инфотропик Медиа, 2017. 372 с.
- Медведев И.Р. Споры о названиях городских объектов в контексте “права на город” // Закон. 2019. № 4. С. 144–156.
- Мохов С.В. Городской памятник, как инструмент nation-building: символическое пространство и историческая память // Бизнес. Общество. Власть. 2011. № 7. С. 17–29.
- Постников В.В. Образ Александра Македонского в русской материальной культуре // Вестн. ДВО РАН. 2006. № 3. С. 141–146.
- Поцелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. Политические исследования. 1999. № 5. С. 62–75.
- Россия регионов: трансформация политических режимов / под ред. В. Гельмана, С. Рыженкова, М. Бри. М.: Весь мир, 2000. 376 с.
- Тарасов К.А. Гражданские войны на постимперском пространстве. Круглый стол “Петербургского исторического журнала” // Петербургский историч. журн. 2018. № 3 (19). С. 167–170.
- Тыканова Е.В. Влияние городских политических режимов на ход оспаривания городского пространства (на примере Санкт-Петербурга и Парижа) // Журн. социологии и социальной антропологии. 2013. № 3. С. 112–123.
- Федотова Н.Г. Символический капитал места: понятие, особенности накопления, методики исследования // Вестн. Томск. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2018. № 29. С. 141–155.
- Чихичин В.В. Географический анализ образов городов Ставропольского края. Дис. ... канд. геогр. наук. Ставрополь: Ставроп. гос. ун-т, 2006. 181 с.
- Britvin A., Britvina I., Starostova L., Compte-Pujol M. Symbolic capital as a resource of promotion of provincial cities: an analysis of place branding strategies of Ural urban destinations // Folklore: Electronic J. of Folklore. 2020. Vol. 79.
<https://doi.org/10.7592/FEJF2020.79.ural>

- Eisenstadt S.N., Schluchter W.* Introduction: paths to early modernities: a comparative view // *Daedalus*. 1998. Vol. 127. № 3. P. 1–18.
- Flint C.* Introduction to geopolitics. London: Routledge, 2012. 296 p.
- Forest B., Johnson J.* Monumental Politics: Regime Type and Public Memory in Post Communist States // *Post-Soviet Affairs*. 2011. Vol. 27. № 3. P. 269–288.
- Krzyżanowska N.* The discourse of counter-monuments: semiotics of material commemoration in contemporary urban spaces // *Social Semiotics*. 2016. Vol. 26. № 5. P. 465–485.
- Nas P.J.M., Jaffe R., Samuels A.* Urban symbolic ecology and the hypercity: state of the art and challenges for the future / *Hypercity: The symbolic side of urbanism* / P.J.M. Nas, A. Samuels (Eds.). London: Routledge, 2006. P. 1–20.
- Shevchenko O.M.* Current geopolitical transformation as a factor identity in mainstreaming in Eurasia // *Caucasian Sci. Bridge*. 2019. Vol. 2. № 2. P. 10–15.
- Stone C.N.* Looking Back to Look Forward: Reflections on Urban Regime Analysis // *Urban Affairs Rev.* 2005. Vol. 40 (3). P. 309–341.

Spatial Factors of Conflict in the Use of Urban Symbolic Geopolitical Capital in Russia

K. E. Aksenov^{a,*}

^a*St. Petersburg State University, Institute of Earth Sciences, St. Petersburg, Russia*

^{*}*e-mail: axenov@peterlink.ru*

The aim of the work is to identify spatial factors of conflict in the use of urban symbolic geopolitical capital in the Russian Federation. The urban symbolic geopolitical capital in the study is understood as a set of accumulated geopolitical meanings of the city, territories and individual places. Environmental symbolic resources, namely urban signs or symbol carriers, have unique properties that give an advantage to the actors of symbolic politics using them in the competitive struggle. The meanings, values and emotions that these symbols and signs are endowed with can have both positive and negative connotations in the representations of different groups. The same symbol (a historical person or event) can have the opposite connotation in different places. These features are actively used in symbolic politics at different spatial levels. Of the more than one hundred cases of modern conflicts with the use of geopolitical symbols and commemorative signs dedicated to them in the cities of the Russian Federation collected from media materials, 20 related to symbols of the pre-socialist era and the period of the Civil War and foreign intervention of 1917–1922 were analyzed using a special methodology. The paper presents an analysis of the significance of various “local” geopolitical symbols and signs for the formation of geopolitical symbolic capital and its use in modern Russian urban and regional symbolic politics, both in constructive, creative practice, and in conflict interactions and even destructive practices. It is concluded that the location changes the content of the conflict over “local” geopolitical symbols and signs in accordance with the following factors: the relation of events associated with the symbol to the place; the presence and spatial distribution of conflicting identities/social groups associated with the symbol; characteristics of public exposure and potential audience coverage; competitiveness of the place; hierarchy of locations; spatial structure ownership and relationships about power and influence. Related to the genius of the place by the character, to the place.

Keywords: symbolic politics, critical geopolitics, urban conflicts, identity, politics of memory

REFERENCES

- Abashev V.V. Perm monumental rhetoric of local identity: monuments, emblems, and art-objects in the city space. *Labirint. Zh. Sots.-Gum. Issled.*, 2015, no. 1, pp. 66–79. (In Russ.).
- Agarkov I.V., Aleinikov A.A., Alieva T.A., et al. *Ermak – gordost' Rossii: kratkii istoricheskii spravochnik* [Ermak is the Pride of Russia: A Brief Historical Guide]. Tyumen: Izd-vo Tyumen. Gos. Univ., 2016. 342 p.
- Akhunov A.M. The Tatar legends about “Zu-l-Qarnayin”. *Uchen. Zap. Kazan. Univ. Ser.: Gum. Nauki*, 2007, no. 4, pp. 122–128. (In Russ.).
- Aksenov K.E. Geographic patterns of de-sovietization of toponymy in Russian cities. *Izv. RGO*, 2020, no. 3, pp. 1–16. (In Russ.).
- Aksenov K.E. Symbolic geopolitical capital and urban space. *Polis. Polit. Issled.*, 2024, no. 1, pp. 67–88. (In Russ.).

- Aksenov K.E., Andreev M.V. Urban forms of spatial diffusion of geopolitical innovations in the Russian Federation. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2021, no. 6, pp. 870–887. (In Russ.).
- Aksenov K.E., Galustov K.A. Urban regimes and socially significant projects of the urban environment transformation in the Russian Federation. *Vestn. S.-Peterb. Univ. Nauki Zemle*, 2023, vol. 1, pp. 4–28. (In Russ.).
- Aksenov K.E., Gres R.A. Geopolitical symbolic capital and monumental space of cities in the North-West of the Russian Federation. *Geogr. Sreda. Zhiv. Sist.*, 2023, no. 2, pp. 113–137. (In Russ.).
- Aksenov K.E., Yaralyan S.A. Ideological reloading of cityscape with the use of toponimics in CIS countries. *Reg. Issled.*, 2012, no. 1, pp. 3–11. (In Russ.).
- Alieva U.I. The signs of legends about the castle Nushaba and tomb. *Colloquium-J.*, 2022, no. 3, pp. 59–62. (In Russ.).
- Britvin A., Britvina I., Starostova L., Compte-Pujol M. Symbolic capital as a resource of promotion of provincial cities: an analysis of place branding strategies of Ural urban destinations. *Folk. Electron. J. Folk.*, 2020, vol. 79.
<https://doi.org/10.7592/FEJF2020.79.ural>
- Chikhichin V.V. Geographical analysis of the images of the cities of the Stavropol krai. *Cand. Sci. (Geogr.) Dissertation*. Stavropol: Stavropol. Gos. Univ., 2006. 181 p.
- Dement'eva I.N. Theoretical and methodological approaches to the study of social protest in foreign and domestic science. *Monitor. Obshch. Mnen.: Ekon. Sots. Perem.*, 2013, no. 4, pp. 3–12. (In Russ.).
- Denisov A.O. Memory of Alexander the Great as reflected in medieval maps. *Indoevrop. Yazykoz. Klass. Filol.*, 2019, no. 1, pp. 247–266. (In Russ.).
- Eisenstadt S.N., Schluchter W. Introduction: paths to early modernities: a comparative view. *Daedalus*, 1998, vol. 127, no. 3, pp. 1–18.
- Fedotova N.G. Symbolic capital of the place: notion, peculiarities of accumulation, research methods. *Vestn. Tomsk. Gos. Univ. Kul'turol. Iskusstv.*, 2018, no. 29, pp. 141–155. (In Russ.).
- Flint C. *Introduction to geopolitics*. London: Routledge, 2012. 296 p.
- Forest B., Johnson J. Monumental politics: Regime type and public memory in post-communist states. *Post-Sov. Aff.*, 2011, vol. 27, no. 3, pp. 269–288.
- Gadzhiev K.S. On the issue of Russia's geopolitical identity in the modern world. *Vlast'*, 2011, no. 6, pp. 4–10. (In Russ.).
- Galustov K.A. Spatiotemporal models of the influence of environmental and eco-cultural protest on the use of urban space at the example of Leningrad—St. Petersburg. *Vestn. SPbGU. Ser. 7: Geol. Geogr.*, 2016, no. 3, pp. 163–176. (In Russ.).
- Gel'man V.Ya. Political elites and strategies of regional identity. *Zh. Sotsiol. Sots. Antropol.*, 2003, no. 2, pp. 91–105. (In Russ.).
- Goncharenko L.N., Avakova E.B. The civil war and Russian society: Relapses of confrontation and stages of national reconciliation (to the 100th Anniversary of the end of the Russian Civil War). *Upravl. Konsul't.*, 2022, no. 2, pp. 139–152. (In Russ.).
- Grebnev R.D. Geopolitical subjectivity and geopolitical identity. *Postsov. Issled.*, 2023, vol. 1, pp. 10–19. (In Russ.).
- Krzyżanowska N. The discourse of counter-monuments: semiotics of material commemoration in contemporary urban spaces. *Soc. Semiot.*, 2016, vol. 26, no. 5, pp. 465–485.
- Ledyaev V.G. Urban political regimes: Theory and empirical research experience. *Polit. Nauka*, 2008, no. 3, pp. 32–60. (In Russ.).
- Letnyakov D.E. Regimes of historical memory: from hegemonism to agonism. *Polit. Obshchestvo*, 2022, no. 1, pp. 45–53. (In Russ.).
- Malinova O.Yu. The politics of memory as a field of symbolic politics. *METOD: Mosk. Ezhegod. Tr. Obshchestvoved. Distipl.*, 2019, no. 9, pp. 285–312. (In Russ.).
- Malinova O.Yu., Miller A.I. Introduction. Symbolic politics and memory politics. In *Simvolicheskie aspekty politiki pamyati v sovremennoi Rossii i Vostochnoi Evrope* [Symbolic Aspects of Memory Politics in Contemporary Russia and Eastern Europe]. Lapin V., Miller A.I., Eds. St. Petersburg.: Izd-vo Evrop. Univ., 2021, pp. 7–15.
- Medvedev I.R. *Razreshenie gorodskikh konfliktov* [Urban Conflict Resolution]. Moscow: Infotropik Media Publ., 2017. 372 p.
- Medvedev I.R. Disputes about the names of urban objects in the context of the “right to the city”. *Zakon*, 2019, no. 4, pp. 144–156. (In Russ.).
- Mokhov S.V. City monument as a nation-building tool. *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*, 2011, no. 7, pp. 17–29. (In Russ.).
- Nas P.J.M., Jaffe R., Samuels A. Urban symbolic ecology and the hypercity: State of the art and challenges for the future. In *Hypercity: The symbolic side of urbanism*. Nas P.J.M., Samuels A., Eds. London: Routledge, 2006, pp. 1–20.
- Postnikov V.V. The image of Alexander Makedonsky (The Great) in the Russian traditional life. *Vestn. DVO RAN*, 2006, no. 3, pp. 141–146. (In Russ.).
- Potseluev S.P. Symbolic politics: a constellation of concepts for an approach to the problem. *Polis. Polit. Issled.*, 1999, no. 5, pp. 62–75. (In Russ.).
- Rossiya regionov: transformatsiya politicheskikh rezhimov* [Russia of Regions: Transformation of Political Regimes]. Gel'man V., Ryzhenkov S., Bri M., Eds. Moscow: Ves' Mir Publ., 2000. 376 p.

- Shevchenko O.M. Current geopolitical transformation as a factor identity in mainstreaming in Eurasia. *Caucasian Sci. Bridge*, 2019, vol. 2, no. 2, pp. 10–15.
- Stone C. N. Looking back to look forward: Reflections on urban regime analysis. *Urban Aff. Rev.*, 2005, vol. 40, no. 3, pp. 309–341.
- Tarasov K.A. Civil wars in the post-Imperial space. The round table of the St. Petersburg Historical Magazine. *Peterb. Istor. Zh.*, 2018, no. 3, pp. 167–170. (In Russ.).
- Tykanova E.V. The influence of urban political regimes on the course of contesting urban space (on the example of St. Petersburg and Paris). *Zh. Sotsiol. Sots. Antropol.*, 2013, no. 3, pp. 112–123. (In Russ.).
- Zhade Z.A. Geopolitical factor in identification process in Russia. *Teor. Prakt. Obshchestv. Razvit.*, 2011, no. 3, pp. 207–210. (In Russ.).
- Zhade Z.A. Geopolitics and identity: the intersection of subject fields of research. *Vlast'*, 2013, no. 12, pp. 137–142. (In Russ.).